

ВЛАДИМИР ВЕНИАМИНОВИЧ СЕМАКОВ

старший преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

vsemakov@gmail.com

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЕТЕРИТЫ В МЕТАЯЗЫКОВЫХ ТЕКСТАХ

XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Во второй половине XVII века конфессиональные споры в русской православной церкви актуализируют особый интерес к языковым проблемам новых переводов богослужебных текстов. Важное место в дискуссии книжников Московской Руси занимают вопросы интерпретации претеритных форм глагола – аориста, имперфекта и перфекта. Сторонники Никона обращают внимание преимущественно на парадигматическую дистрибуцию глагольных форм, ссылаясь на церковнославянские грамматики; традиционалисты, напротив, настаивают на семантическом различии претеритов. В сочинениях протопопа Аввакума распределение претеритных форм в значительной степени согласуется со старообрядческой грамматической концепцией, в которой аорист и имперфект противостоят перфекту как «сакральные» времена «профанному».

Ключевые слова: претерит, книжная справа, язык Аввакума, XVII век, Поморские ответы

В исследованиях по истории русского литературного языка рукописный или печатный текст является основным источником для описания и осмысливания эволюционных процессов, происходивших в сфере письменного выражения. Его значимость абсолютна для допетровского периода в истории языка, когда получить какие-либо данные, помимо дошедших до нас письменных памятников, практически невозможно. Интерпретация этих данных в большой степени зависит как от состояния лингвистической теории, так и от языкового дискурса авторов научных работ. Чем дальше мы удаляемся во времени от объекта изучения, тем труднее понять принципы, которыми руководствовались древнерусские книжники, создавая или переписывая разного рода тексты. Культурный контекст, в котором проходила их деятельность, утрачен и восстанавливается опосредованно через изучение памятников, впрямую об этом не говорящих. Положение осложняется тем, что до нас дошло крайне мало документов – метаязыковых текстов, непосредственно посвященных языковой проблематике. В данной ситуации любые прямые источники, позволяющие хотя бы предположительно понять особенности языкового сознания книжников того времени, требуют пристального к себе внимания.

Вторая половина XVII века в этом отношении дает историку языка весьма богатый материал, поскольку предпринятое при патриархе Никоне исправление богослужебных книг в необычайной степени обострило интерес к филологическим и собственно языковым проблемам, которые стали предметом ожесточенных споров между двумя лагерями церковных книжников Московской Руси – старообрядцами и «никонианами». Эти дискуссии во многом подготовили русский рас-

кол – крупнейший общественно-религиозный процесс XVII века, последствия которого оказали большое влияние на историю русской культуры вплоть до сегодняшнего времени.

Поводом для возникновения раскола послужила церковно-обрядовая реформа, которую с 1653 года начал проводить патриарх Никон с целью укрепления церковной организации. За ликвидацию местных различий в служебной практике, устранение разнотечений и исправление богослужебных книг выступали все члены влиятельного тогда «Кружка ревнителей благочестия». Однако среди его участников не было единства взглядов относительно путей, методов и конечных целей намечаемой реформы. Протопопы Аввакум, Даниил, Иван Неронов считали, что русская церковь сохранила «древнее благочестие», и предлагали проводить унификацию, опираясь на древнерусские богослужебные книги. Другие члены кружка (Стефан Вонифатьев, Ф. М. Ртищев), к которым позднее присоединился и будущий патриарх Никон, хотели следовать греческим богослужебным образцам, имея в виду укрепление связей с восточными автокефальными церквами.

При поддержке царя Алексея Михайловича Никон начал проводить исправление русских богослужебных книг по современным им греческим образцам и заменил некоторые обряды (двоеперстие было заменено троеперстием, во время службы «алиллуйя» стали произносить не дважды, а трижды, изменилось чтение в 8-м члене Символа веры, вводилось почитание четвероугольной формы креста, хождение против солнца и др.). Нововведения были одобрены церковными соборами 1654–1655 годов. В течение 1653–1656

годов на Печатном дворе шел выпуск исправленных или вновь переведенных книг.

Первыми за «старую веру», против реформ и действий патриарха выступили некоторые члены «Кружка ревнителей благочестия». Аввакум и Даниил подали царю челобитную в защиту двоеперстия. Затем они стали доказывать, что внесение исправлений осквернит истинную церковь, так как греческая церковь отступила от «древнего благочестия», и в наказание Господь обрек греков на муки, подтверждением чего был захват турками в 1453 году Константинополя. Что касается книг, взятых в качестве образцовых, то большинство из них было напечатано в типографиях католиков, которые, по словам старообрядцев, «начаша греческим языком книги печатати в Риме, Париже и в Венеции, и многия ереси своя в них насеяша»¹.

В настоящем исследовании нас интересует лингвистическая сторона разногласий двух лагерей русских книжников этого времени, конкретно – проблема различной интерпретации форм прошедшего времени глагола – аориста, имперфекта и перфекта. Дискуссия «о временех» не только занимает значительное место в полемической литературе того времени, но и позволяет эксплицитно представить общую теорию языковой формы в письменной культуре Московской Руси XVII столетия.

Истоки проблемы лежали в функциональном различии форм аориста, имперфекта и перфекта. В разговорной речи того времени употребляется единая форма прошедшего времени – реформированный перфект без связки (формы на -л), прочие претериты остаются принадлежностью письменного языка, преимущественно церковнославянского. Проверить правильность их употребления обращением к речевой практике было уже невозможно, и в ход шли другие приемы, помогающие определить адекватность, – синтагматические и парадигматические на уровне текста и системы, а также внелингвистические, связанные с экзегезой – толкованием сакрального текста.

С 1655 года из печати начинают выходить новые переводы («Служебника», «Скрижали» и др.), в которых опытные справщики Печатного двора, уволенные за явную или тайную поддержку старообрядцев, с удивлением обнаружили массу грамматических разнотечений в канонических текстах. В 1662 году бывший справщик Савватий пишет челобитную царю Алексею Михайловичу, в которой перечисляет многочисленные, по его мнению, ошибки в новых переводах: «По сем, государь, и о грамматике глаголю: яко нас уничижают, а и сами справщики совершенно грамматики не умеют, и обычай имеют тою своею мелкою грамматикою Бога определяти мимошедшими времена, и страш-

ному и неописанному Божеству его, где не довлеет, лица налагают. В воскресном, Государь, тропаре на Пасху... прежде сего печатали: и на престоле *беяше* Христе со Отцем и Духом... А ныне в новой Триоде напечатали мимошедшим временем, яко же и в руце седящего, – и на престоле *был еси* Христе со Отцем и Духом. Яко же бы иногда был, а иногда несть. А сего не разумеют, яко по богословским книгам, при Бозе бытие не глаголется, яко же при тварех, но предбытие, понеже всякого существа и бытия прежде Бог»².

Савватий предлагает следующую интерпретацию семантических различий трех форм прошедшего времени: «...*беяше*, непредельная речь, при Бозе глаголется искони и присносущное, а *бысть* при человеке и при иных тварех, от немже наста что: обаче от начатка и то присносущее, а *был еси*, когда глаголется мимошедшее, яко зде или инде был...»³.

Таким образом, по Савватию, формы имперфекта обозначают действия, не имеющие временных пределов; формы аориста локализуют начало действия в прошлом, но не определяют конец действия, то есть оно продолжается и в настоящем; перфект указывает исключительно на действие или состояние, начавшееся и закончившееся в прошлом. С семантической интерпретацией претеритов Савватий связал дистрибуцию субъектов действия: имперфект определяет действия Бога, аорист – человека и всего сотворенного Богом, перфект – человека. В новых переводах богослужебных книг аорист и имперфект часто заменялись перфектом, что квалифицируется Савватием как не только грамматическая, но и конфессиональная ошибка («пагуба»).

Вскоре романо-борисоглебский поп Лазарь пишет «Роспись вкратце нововведенным церковным раздором, их же собра Никон патриарх со Арсением чернцем от разных вер». В этом сочинении Лазарь, так же как и Савватий, обращает внимание на изменения временных форм: «Да в новых же книгах напечатано: Господи, прибежище *был еси* нам. Еще и в тропаре напечатано: на престоле *был еси*, Христе. И те речи Христу похуление и отметны; сею речию скажут нам Господне прибежище и на престоле бытие мимошедшее»⁴. О грамматических ошибках в новых переводах пишут также поп соборной церкви в Суздале Никита Добрынин (Пустосвят), позже казненный властями в 1682 году, ионик Афанасий, дьякон Благовещенского собора в Москве Феодор и другие.

Реакция властей была достаточно быстрой. В 1667 году Симеон Полоцкий издает «Жезл правления», в котором отвечает на обвинения старообрядцев (конкретно Никиты и Лазаря), упрекая их в незнании грамматики: «Видети сие годствует в Никите, иже дерзав во

богословские глубины ум свой пущати, се на брезе грамматического разума, и в мелкости ея утопает⁵. Более подробная аргументация правильности грамматических изменений представлена в трактате Афанасия Холмогорского «Увет духовный» (1682 год): «Пишут раскольники святыя церкви, во своей ложной члобитной, сице: “Да в новых же книгах напечатано... и на престоле **был еси**, а в старых книгах написано во всех **беляше**, а не **был еси**”. Имея умная очеса, видит добре быти преведено: Господи прибежище **был еси**, в место **бысть нам**, ибо звательный падеж... полагается со вторым лицем, никогда же с третьим, второе же лицо есть **был еси**, **бысть** же третие. Во времени же несть погрешения, ибо яко **бысть**, тако и **был еси** есть времене прешедшаго...»⁶. Аналогично трактуются формы перфекта и в книге «О исправлении в преждепечатных книгах минаях...», написанной, по мнению С. Браиловского, старцем Ефросином⁷. Разницу форм **явися** и **явился еси** Ефросин определяет следующим образом: «Обретоша же в тех правленных книгах, не ведомо по каковому случаю, речения многая оставлена неисправлена по грамматическому художеству во временех и лицах, второго лица глаголы премножайши третим лицем писаны, еже зело нелепо тако быти... На Христово рождество... стих... “Что ти принесем Христе, яко **явися на земли**” зело грубо и укора достойно. “Что ти Христе”, стих глаголет ко второму лицу: **явися** же (яко человек) – глагол третьего лица, и в едином лице Христове два лица стих оный поет: и сие зело вредословно... Подобает же пети весь стих ко единому второму лицу Христову сице: “Что ти принесем Христе, яко **явился еси...**”»⁸.

Итак, сторонники исправлений считают, что временные значения аориста, имперфекта и перфекта совпадают, с другой стороны, для второго лица единственного числа допустимы лишь перфектные образования, поскольку аналогичные формы аориста и имперфекта указывают, по их мнению, на третье лицо. Следует подчеркнуть, что в своих объяснениях комментаторы часто обращаются к авторитету грамматик.

Споры о глагольных формах были в XVII веке лишь малой частью острой дискуссии между староверами и официальной церковью. В многочисленных трактатах этого времени обсуждаются преимущественно обрядовые изменения, непосредственно с языком связаны споры о написании имени Христа (Иисус или Иисус), о союзе «а» в Символе веры («рожденна, а не сотворенна»), о возгласе «и ныне и присно и во веки веком» в молитвах, о перемене ударений в личных именах – можно сказать, что затронуты были все уровни языка (от фонетического до синтаксического) и все письменные правила.

В большинстве случаев противники приводят в качестве аргументов тексты (русского или греческого происхождения), настаивая на их образцовости. Полемика же вокруг претеритных форм, кажется, выделяется на этом фоне, поскольку обе стороны – и старообрядцы, и «никониане» – обращают особое внимание на семантику формы, чего нет, например, в спорах по поводу падежных окончаний существительного («во веки веков» или «во веки веком»). Есть еще одно обстоятельство, которое позволяет обособить интересующую нас проблему, – это ее генезис. В отличие от всех прочих разногласий, спор о значении глагольных времен не локализуется только в XVII веке, а является лишь продолжением длительной дискуссии о глагольных временах, начавшейся еще в XVI столетии.

Первое упоминание о различной интерпретации форм аориста и перфекта связано с судом над Максимом Греком. Предыстория этого события такова. В 1518 году в Москву по специальному приглашению великого князя Василия Ивановича приезжает Михаил Триволис, грек по происхождению, на Руси получивший имя Максим. Ему было поручено перевести с греческого языка достаточно сложный в языковом отношении текст «Толковой Псалтири». Интересно, что Максим поначалу не знал церковнославянского языка, поэтому в переводе ему помогали русские «толмачи». В 1525 году Максим Грек предстал перед судом и был обвинен в тайных сношениях с турецким султаном и порче церковных книг. Истинная причина гонений на Максима была в другом – он выступил против повторного брака Ивана Васильевича и активно поддерживал нестяжателей в их борьбе против монастырского землевладения. Тем не менее на соборе 1525 года одним из главных было обвинение в ереси в связи с максимовским переводом «Толковой Псалтири». Сохранились «Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки», в которых достаточно подробно изложена языковая сторона дела: «Максим ионик Святогорец говорил, и учил Михаля, и писал о Христе, яко сидение Христово одесную Отца мимошедшее и минувшее... Где было в здешних книгах написано: “Христос взыде на небеса и **седе** одесную Отца”, а инде “седя одесную Отца”, и он то зачернил, а иное выскреб; а вместо того написал... “**седел еси** одесную Отца”... И Даниил, митрополит всея Руси, велел его спросити... “Что ради Христово сидение одесную отца мимошедшее писал еси и говорил и учил многих сему?” И Максим отвечал: “В том разнства никоторого нет...”»⁹.

Позиция Максима вполне очевидна: во-первых, он хотел приблизить перевод к греческому оригиналу, передать в церковнославянском тексте всю ту информацию, которая

содержалась в первоисточнике, во-вторых, его подход к церковнославянскому языку – это подход к кодифицированному мертвому языку, в некотором смысле иностранному, который изучается по грамматическим руководствам [3: 261]. Обвинители же Максима исходят от употребления, от синтагматики текста, а не от грамматической парадигматики. Правка текста по грамматическим правилам против принятой традиции воспринималась как кощунство. В этой связи интересно признание Михаила Медоварцева, сотрудника Максима по переводам. Поставленный на соборе «с очей на очи», Медоварцев заявил: «...загладил (стер. – В. С.) две строки, а вперед гладити посумнелся еси... не могу заглаживати, дрожь мя великая поимала и ужас на меня напал»¹⁰. Конфликт решил в пользу традиционного употребления, и Максим был сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Грамматическая причина разногласий лежала в омонимии форм аориста и имперфекта во 2–3-м лице единственного числа. Так, для глагола «седети» (современное «сидеть») аористная и имперфектная парадигмы в единственном числе выглядели следующим образом: аорист – «седех, седе, седе»; имперфект – «седеах (седях), седеаше (седяше), седеаше (седяше)». Неразличение форм 2-го и 3-го лица на фоне вымыивания исконной семантики претеритов толкало книжников на замену аористных и имперфектных форм 2-го лица единственного числа перфектными образованиями, которые были четко формализованы, – «седел есмь, седел еси, седел есть (седел есть)». К тому же исконная семантика перфекта чаще всего была актуализирована в контекстах с прямой речью, в которых, собственно, и встречается 2-е лицо глагола. Многочисленные исследования памятников XVI–XVII веков показывают именно такую статистику. Так, в переводных новеллах XVII века при абсолютном преобладании форм аориста и имперфекта перфект отмечается преимущественно во 2-м лице единственного числа (80,2 %) [6: 242], в «Степенной книге царского родословия» формы 2-го лица перфекта со связкой примерно в 3 раза количественно превосходят аналогичные формы 3-го лица [12: 287–290], в русских повестях XVII века эловые формы также в основном находятся в контекстах с прямой речью [2: 12].

Таким образом, экспансия перфекта со связкой или без нее в книжный язык шла через 2-е лицо единственного числа и была поддержана как его абсолютным преобладанием в разговорной речи (формы на -л), так и явной путаницей в темпоральной семантике всех трех претеритных форм на фоне усиления видовой аспектуализации. Грамматики, на которые ссылаются русские книжники, со всей очевидностью

отражают эти процессы в церковнославянском языке.

Объединение перфекта с формами аориста и имперфекта в одной парадигме начинается с «Донатуса» Дмитрия Герасимова (1522 год). Оно было продолжено в «Адельфотесе» (1591 год), в «Грамматике словенской» Лаврентия Зизания (1596 год) и в «Грамматике славенский правилное синтагма» Мелетия Смотрицкого (1619 год, Евю; 1648, Москва) [1: 13], [3: 261], [9: 19–27]. Наиболее полно интересующие нас формы описаны в двух последних грамматиках. Так, Лаврентий Зизаний обозначает аорист термином «мимошедшее» и предлагает следующую его парадигму: «явих, явиль еси, ла, ло, и яви, яви». Рядом у него имеется и имперфект в двух видах: «протяженное» – «являх, являль еси, ла, ло, и являше, являше»; «пресовершенное» – «являх, являл еси, являше, являл»¹¹. С большей подробностью парадигматика претеритов представлена в «Грамматике» Мелетия Смотрицкого. В московском издании 1648 года формы прошедшего времени характеризуются следующим образом: «Преходящее есть, им же несвершенно прошлое действие или страдание знаменуем: яко, бияхся, или биен есмь, и бых. Мимошедшее есть, имже древле совершенно прешедшее действие или страдание знаменуем: яко, биях, бияхся, или биян бывах. Непредельное есть, имже в мале совершенно прошлое действие или страдание знаменуем: яко, побихся, или побиен бых»¹². Для каждого времени и спряжения Смотрицкий дает примеры личных парадигм, например, «преходящее» – «чтох, чел, чла, чло, чте»; «прешедшее» – «читах, читал, читала, читаало, читааше»; «непредельное» – «прочтох, прочел, -ла, -ло, прочте»¹³. Наконец, отдельно приводится парадигма перфекта со следующим комментарием: «Времена: преходящее, прешедшее, мимошедшее и непредельное наклонения сего изъявительного, руска иногда языка навыком действительне и страдательне произносима быти обретаем: сице существительным глаголом растворяема, яко... чел есмь, чел еси, чла, чло, чел есть... Сице прешедшее, читаль есмь и прочая, мимошедшее читаль есмь и прочая, непредельное прочель есмь и прочая»¹⁴. Описание глагольных форм, сделанное Смотрицким, показывает, что, во-первых, прешедшее и мимошедшее времена отличаются друг от друга лишь как стяженная «читах» и нестяженная «читах» формы имперфекта, во-вторых, преходящее и непредельное есть не что иное, как аорист от разных основ (аористной и имперфектной), а временные различия подменяются видовыми, наконец – и это самое главное – формы перфекта или включены в парадигму всех четырех времен (для 2-го лица единственного

числа), или представлены собственной полной парадигмой, но лишь в качестве русского варианта церковнославянских претеритов (чтобы заполнить все грамматические позиции для перфекта, Смотрицкий создает совершенно искусственные формы, вроде «читаал есмь»).

В середине XVII века именно «Грамматика» Мелетия Смотрицкого стала для книжников «никониан» наиболее авторитетной, и именно по ее парадигмам правятся новые переводы. В спорах со старообрядцами и Симеоном Полоцким, и автор трактата «О исправлении...» приводят аргументы, дословно совпадающие с соответствующими местами сочинения Смотрицкого [10: 8].

Для старообрядческих книжников XVII века императивность этого трактата была ничтожной. Более того, с их точки зрения, «Грамматика» Смотрицкого была книгой, через которую «латинствующие» (то есть католики) пытаются разрушить истинную веру и присоединить Русскую православную церковь к Риму. Справщик Савватий пишет об этом следующим образом: «А учили плутати (заблуждаться. – В. С.) недавно, прежде сего и они так печатали, а свела их с ума несовершенная их грамматика, да приезжие нехай (выходцы с Украины. – В. С.)... Напрасно, государь, беспомощных за грамматику их разорять: мелка грамматика их, добро грамматика, кто умеет ее совершенно. А с их грамматики точною книгам пагуба, а людем соблазна»¹⁵. Сама личность Мелетия Смотрицкого в глазах староверов была весьма сомнительной. Вот что сообщает об авторе «Грамматики» дьякон Феодор (из «Письма, поданного собору российских архипастырей на допросе 11 мая 1666 года»): «Егда исполнися шестьсот лет по отпадении римлян (разделения единой церкви после Никейского собора 1054 года. – В. С.), тогда отступиша жители Малая Россия от восточныя святыя церкви к римскому костелу, приемши богоотступного папы развращенные и богохульные догматы: прежде всего символ измениша во многих местех... А истиннаго у них из символа выложил униатский епископ, именем Мелетий Смотрицкой»¹⁶. Обвинения старообрядцев были не беспочвенными – Смотрицкий, ректор Киевской коллегии, перед смертью принял католичество. Конечно, этот факт был известен властям, поэтому в прениях со староверами они стараются не упоминать его имени, ссылаясь просто на некую «Грамматику».

В материалах дискуссии XVII века заметно желание церковных властей обозначить конфликт двух сторон как столкновение «грамматистов» и «антиграмматистов», так сказать, людей науки и необразованных обскурантов. Повод к этому дают сами старообрядцы, много и охотно говорившие о своем неприятии грамматических

знаний. Характерны в этом отношении высказывания старца Авраамия: «Вопрос: А вы, брате Авраамей, конечно за неведение погибаете. Не учася риторства, ни философства, ниже грамматического здравого ума стяжали есте, а начнете говорить выше ума своего... Ответ: Правду ты, владыко, рекл ми, яко риторики и философства не учихся и грамматического учения глубоко не знаю, кроме малаго наречия в справе...»¹⁷. Однако говорить о недостаточной образованности защитников старой веры было бы неправильно. Во-первых, староверы не отрицают грамматики как таковой – в своих возражениях по поводу справы они иногда обращаются к трактату Иоанна Экзарха Болгарского «О осми частех речи», известному в списках с XV века, именно этот текст они считают каноническим, с другой стороны, главным личным авторитетом в области языка для них выступает Максим Грек, написавший несколько сочинений, утверждавших пользу «премудрого учения философского» [4], [11]. Аргументы старообрядческих книжников в полемических статьях того времени часто убедительнее грамматической схоластики «никониан». Дело обстоит не в оппозиции приятия или неприятия грамматики, а в глубоком культурном, мировоззренческом противостоянии двух точек зрения на язык сакрального текста.

В XVII веке, по мнению С. Матхаузеровой, контрастно обозначились субстанциональная и релятивистская концепции текста [4: 273–274]. Для старообрядцев слово само по себе равняется обозначаемой субстанции, предмету; слово и Бог составлены из одной материи. Текст воспринимается как нечто данное, как откровение, которое не может существовать иначе, нежели в своей первоначальной, законченной и неизменяемой форме. Всякое исправление буквы текста является нарушением его содержания. В отличие от субстанционального понимания защитники «книжной справы» эксплицируют рационалистическую концепцию текста как объекта, критически воспринимаемого субъектом. «Правда» текста для них состоит не в его застывшем звучании, а в постоянной конфронтации с познавательными способностями читателя и с развивающимся уровне его познания. Оппозиция двух теорий текста отразилась и в теории перевода. Для старомосковских книжников, опиравшихся на авторитетную «отеческую» литературу, основой теории перевода является мысль, что перевод, одинаково точный в отношении и выражения, и содержания, невозможен, следовательно надо ориентироваться на «разум», то есть значение. Выражение становится ниже содержания, ниже смысла. С другой стороны, Симеон Полоцкий – самая яркая фигура среди защитников «справы» – тоже подчеркивает важность «разума», смысла

переводимого, но требует и точного перевода «речения», то есть выражения. Симеон признает возможность усовершенствования прежних и создания новых переводов, в которых меняются слова, но не смысл. Чтобы найти эквивалент «речения», необходимо знать грамматику, риторику и диалектику [4: 276–278].

В нашем случае интерпретация претеритных форм в старообрядческой обличительной литературе идет от семантики претерита к его формальному выражению. Деяния Господа вершатся вне времени, в них отсутствуют фазы начала и конца, а поскольку в старых церковнославянских текстах они вербализованы в формах имперфекта и аориста, то именно это значение – значение вечного существования – актуально для традиционалистов. Напротив, большинство книжников-«никониан» трактуют отмеченные формы исходя из формальных критериев, из их парадигмы, кодифицированной грамматикой. Перфект, аорист и имперфект осмысляются часто как синонимичные по значению времена, следовательно, главным критерием корректности их употребления становится не семантика, но соотнесенность с грамматическим лицом субъекта действия.

Интересно, что подобная дистрибуция отмечается не только в теоретических сочинениях того времени, но проявляется и в поэтике литературных текстов. Так, в сочинениях протопопа Аввакума аорист и имперфект чаще всего употребляются при описании действий самого автора или его сторонников, «людей божиих». В изображении противников протопопа заметно стилистическое снижение, которое достигается постановкой перфектных форм. Такой поэтический прием позволяет Аввакуму представить собственные действия в перспективе их вечности, соотнесенности не с «тварной» историей, но с вневременным библейским сюжетом борьбы с дьяволом [5], [7]. Например: «Егда мне темныя твоя власти волосы и бороду *остригли* и, проклявше, за твоим караулом на Угреше в темнице *держали*, – о, горе мне, не хочется говорить, да нужда влечет, – тогда *нападе* на мя печаль, и зело *отяготихся* от кручинь и *размышилях* в себе, что се *бысть*, яко древле и еретиков так не *ругали*, якож меня ныне: волосы и бороду *остригли*, и *прокляли*, и в темнице *затворили* никонияня, пущи отца своего Никона надо мною, бедным, *сотовили*. И о том *стужах* божеству, да явит ми, не туне ли мое бедной страдание»¹⁸. Как видим, семантический (а вместе с тем и стилистический) аспект противопоставления аориста и имперфекта в этом отрывке из «Пятой члобитной царю Алексею Михайловичу» принципиально важен Аввакуму («никонияня» – «остригли, держали, прокляли,

затворили, сотовили»; «аз» – «отяготихся, размышилях, стужах»).

В этой связи характерны и случаи замены аориста на перфект в библейских цитатах аввакумовского «Жития». Так, Евфимей Стефанович, один из гонителей протопопа, говорит словами блудного сына из Евангелия от Луки, XV, 18: «Прости, государь, *согрешил* пред богом и пред тобою»¹⁹. Приведем соответствующий текст Острожской библии: «Рече же ему сынъ, отче, *согреших* на небо и предъ тобою»²⁰. Следующий пример – в уста воеводы Пашкова («суровъ и безчеловечен человек») Аввакум вкладывает слова Иуды: «*Согрешил*, окаянной, пролил неповинную кровь!»²¹. В церковнославянском тексте Евангелия от Матфея, XXVII, 4 (покаянная речь Иуды) – «...*согреших*, предавъ кровь неповинну».

Поэтика претеритных форм в произведениях Аввакума, на наш взгляд, непосредственно коррелирует со старообрядческой концепцией грамматической семантики и отражает основной пафос аввакумовского творчества – «обличение злоказненной никонианы».

В условиях последующей маргинализации старообрядчества и сужения сферы употребления церковнославянского языка споры о грамматических формах глагола постепенно утратили свою актуальность. Последние следы «грамматического противостояния» можно увидеть в знаменитых «Поморских ответах» (1722–1723), в которых новое поколение «древлеправославных» доказало подложность рукописных «Соборного деяния на еретика арменина, на мниха Мартина» и «Феогностова требника», используемых властями в диспутах с «раскольниками»²² [8]. В фальшивых рукописях выговские старцы в числе прочих «недоумений» обнаружили аористные новообразования, невозможные для древних текстов, к которым якобы и относились эти пергаменные «хартии»: «Речи и пословицы в деянии писаны, не древних россиян, но нынешнего подобия. В древних бо писахуся глаголы прешедшего времене, третияго лица: дастъ, предастъ, предастся, яко в евангелиях древлехаратейных... такожде в деянии же написано: даде, предаде, воздаде, предадеся... Сего ради соборному деянию, яко неизвестному, яко несогласному, яко толикими противсты церковными помазанному, удобоверствовати опасаемся»²³.

«Удоверствовати» друг другу опасались и все участники дискуссии XVII века, поскольку конфликт, внешне представленный как спор о «временех», оказался выражением непримириимого противостояния двух мировоззрений, двух концепций мира, и разрешиться в рамках одной культурной парадигмы он, естественно, не мог.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря (три памятника из первоначальной истории старообрядчества). СПб.: Изд. Д. Е. Кожанчикова, 1862. С. 105. Древнерусские тексты передаются в упрощенной орфографии: титла раскрываются, надстрочные буквы вносятся в строку, «ер» в конце слов не воспроизводится, буквы «ять», «и» десятичное заменяются соответственно «е», «и».
- ² Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря... С. 23.
- ³ Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря... С. 27.
- ⁴ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. 4. Ч. 1. М.: Братство святого Петра Митрополита, 1878. С. 235.
- ⁵ Погоцкий Симеон. Жезл правления. М.: Печатный Двор, 1667. Л. 23.
- ⁶ Узет духовный. М.: Печатный Двор, 1682. Л. 221.
- ⁷ Браиловский С. Очерки из истории просвещения в Московской Руси XVII века. Чудовский инок Евфимий // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1890. Т. 1. С. 440–441.
- ⁸ Никольский К. Т. Материалы для истории исправления богослужебных книг. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1896. С. 114–115.
- ⁹ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки / Изд. подгот. Н. М. Покровский. М.: Институт истории, филологии и философии АН СССР, 1971. С. 90.
- ¹⁰ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки... С. 109.
- ¹¹ Булич С. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке. Ч. I. Записки историко-филологического факультета императорского С. Петербургского университета, 32. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1893. С. 369–370.
- ¹² Смотрицкий Мелетий. Грамматика славенская. М., 1648. Л. 155об.
- ¹³ Смотрицкий Мелетий... Л. 190–192.
- ¹⁴ Смотрицкий Мелетий... Л. 192–192об.
- ¹⁵ Три челобитные... С. 26–27.
- ¹⁶ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. 6. М.: Братство святого Петра Митрополита, 1881. С. 15.
- ¹⁷ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. 7. М.: Братство святого Петра Митрополита, 1885. С. 395.
- ¹⁸ Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М.: Гослитиздат, 1960. 480 с.
- ¹⁹ Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова; Под ред. В. И. Малышева (отв. ред.), Н. С. Демковой, Л. А. Дмитриева. Л.: Наука, 1975. Л. 20.
- ²⁰ Библия. Острог, 1581. Л. 20.
- ²¹ Пустозерский сборник... Л. 50об.
- ²² Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия // Летопись занятий археографической комиссии за 1918 год. Вып. 31. Петроград, 1921. 66 с.
- ²³ Поморские ответы. М.: Христианская типография при Преображенском Богадельном доме, 1911. Л. 62.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1938. 448 с.
2. Даневич А. В. Грамматические особенности русских повестей 2-й половины XVII века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1961. 17 с.
3. Живов В., Успенский Б. Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола «быти» в русском языковом сознании XVI–XVII веков // Russian Linguistics. 1986. Vol. 10. № 3. С. 259–279.
4. Матхузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1976. Т. XXXI: «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы. С. 271–284.
5. Матхузерова С. Функция времени в древнерусских жанрах // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. А. М. Панченко. Л.: Наука, 1972. Т. XXVII: История жанров в русской литературе X–XVII вв. С. 227–235.
6. Рюмина О. Л. Формы прошедшего времени в переводной новелле второй половины XVII века // Ученые записки МОПИ. Т. 17. М., 1970. С. 242.
7. Семаков В. В. О стилистической маркированности аориста и имперфекта в языке «Жития протопопа Аввакума» // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1985. Т. XXXIX. С. 404–409.
8. Семаков В. В. «Поморские ответы» об эволюции глагольных форм в церковнославянском языке // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 154–158.
9. Слантьев Н. В. Русский глагол в грамматиках доломоносовского периода // Развитие и функционирование русского глагола. Волгоград, 1981. С. 19–27.
10. Сиромаха В. Г. Языковые представления книжников Московской Руси второй половины XVII в. и «Грамматика» Смотрицкого // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1979. № 1. С. 3–14.
11. Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1977. Т. XXXIII: Древнерусские литературные памятники. С. 80–87.
12. Otten F. Die finiten Verbalformen und ihr Gebrauch in der Stepennaja Kniga carskogo rodoslovija // Sprachen und Literaturen der Osteuropa. Berlin. 1973. Р. 287–290.

Semakov V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

OLD RUSSIAN PRETERITS IN METALINGUISTIC TEXTS OF THE XVII – BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES

In the second half of the XVII century, the confessional discourse of the Russian Orthodox Church was focused on multiple linguistic problems associated with translation of liturgical texts. In the linguistic discussion of the Moscow Rus scholars, special attention was paid to the interpretation of preterits: perfective and imperfective forms. The followers of Nickon's school accentuated their emphasis on the paradigmatic distribution of the verb forms and referred to the Old Church Slavonic grammar. Traditionalists, on the other hand, insisted on the semantic differences inherent to preterits. The verb forms' distribution in the works written by protopope Avvakum is coordinated with the Old Believers grammar, in which imperfective forms counterpose perfective forms as "sacred" times counterpose "secular" times.

Key words: preterits, book reference, Avvakum's writings, XII century, Pomeranian answers

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the history of the Russian language of the XVII–XIX centuries]. Moscow, Gos. uch.-ped. izd-vo Publ., 1938. 448 p.
2. Danevich A. V. *Grammaticheskie osobennosti russkikh povestey 2-y poloviny XVII veka: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Grammar aspects of the Russian novel of the second half of the XVII century: The author's abstract. PhD. phil. sci. diss.]. Kiev, 1961. 17 p.
3. Zhivotov V., Uspenskiy B. Grammar. Preterits' verb forms "biti" in Russian culture of the XVI–XVII centuries [Grammatica sub specie theologiae. Preteritnye formy glagola "byti" v russkom jazykovom soznanii XVI–XVII vekov]. *Russian Linguistics*. 1986. Vol. 10. № 3. P. 259–279.
4. Matkazurova S. Two theories of the text in Russian literature of the XVII century [Dve teorii teksta v russkoj literature XVII veka]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, Nauka Publ., 1976. Vol. XXXI: "Slovo o polku Igoreve" i pamyatniki drevnerusskoy literatury. P. 271–284.
5. Matkazurova S. The function of time in the symbols of Old Russia [Funktsiya vremeni v drevnerusskikh zhanrakh]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Vol. XXVII: Iстория zhanrov v russkoj literature X–XVII vv. P. 227–235.
6. Ryuminina O. L. Past forms of the verbes in progressive novels of the second half of the XVII century [Formy proshedshego vremeni v perevodnoy novelle vtoroy poloviny XVII veka]. *Uchenye zapiski MOPI*. Vol. 17. Moscow, 1970. P. 242.
7. Semakov V. V. On stylistic markers of imperfective forms in protopope Avvakum writing [O stilisticheskoy markirovannosti aorista i imperfekta v jazyke "Zhitiya protopopa Avvakuma"]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, Nauka Publ., 1985. Vol. XXXIX. P. 404–409.
8. Semakov V. V. "Pomeranian answers" on the evolution of the Old Slovonic Church forms ["Pomorskie otvety" ob evolyutsii glagol'nykh form v tserkovnoslavianskom jazyke]. *Vygovskaya pomorskaya pustyn' i ee znachenie v istorii Rossii*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. P. 154–158.
9. Silant'ev N. V. Russian grammar in pre Lomonosov's time [Russkiy glagol v grammatikakh dolomonosovskogo perioda]. *Razvitiye i funktsionirovaniye russkogo glagola*. Volgograd, 1981. P. 19–27.
10. Siromakha V. G. Linguistic interpretations of the Moscow Rus scholars of the second half of the XVII century and "Grammar" book by Smotritskii [Yazykovye predstavleniya knizhnikov Moskovskoy Rusi vtoroy poloviny XVII v. i "Grammatika" Smotritskogo]. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya*. 1979. № 1. P. 3–14.
11. Shashkov A. T. Maksim Grek and his ideological fight in Russian of the second half of the XVII – beginning of the XVIII century [Maksim Grek i ideologicheskaya bor'ba v Rossii vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII v.]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Leningrad, Nauka Publ., 1977. Vol. XXXIII. P. 80–87.
12. Otten F. Die finiten Verbalformen und ihr Gebrauch in der Stepennaja Kniga carskogo rodoslovija // Sprachen und Literaturen der Osteuropa. Berlin. 1973. P. 287–290.

Поступила в редакцию 15.01.2016